

БЕЗ ЛИЦА

КОНЮШЕНКО ЕГОР

18+

Егор Конюшенко

Без Лица

«Автор»

2026

Конюшенко Е.

Без Лица / Е. Конюшенко — «Автор», 2026

Пластический хирург Вадим, чьё лицо десять лет назад изуродовала кислота, давно живёт в подполье, оперируя тех, кто не может прийти в обычную клинику. Он разработал уникальную методику пересадки живой, чувствующей плоти, и мечтает когда-нибудь вернуть себе человеческий облик. Однажды к нему приходит загадочный человек в бинтах, предлагая идеальный донорский материал в обмен на новое лицо. Хирург соглашается, не задавая лишних вопросов. Но после операции пересаженная кожа начинает жить собственной жизнью — и во снах к нему приходит девушка по имени Лика, которая очень хочет, чтобы её услышали...

© Конюшенко Е., 2026

© Автор, 2026

Егор Конюшенко

Без Лица

Свет над операционным столом я настроил так, чтобы он не давал теней, — за десять лет, прошедших с того дня, тени на собственном лице стали для меня отдельным видом пытки. Каждый раз, проходя мимо выключенного монитора или начищенной до зеркального блеска поверхности лотка, я ловил периферийным зрением не себя, а рельефную карту чужой жестокости. Правая щека напоминала топлёный воск, который кто-то собирал пальцами в складки, а нижнее веко левого глаза, вывернутое наружу, придавало взгляду постоянное выражение удивления и ужаса, которого я давно не испытывал. Я перестал вздрагивать от собственного отражения только тогда, когда научился смотреть исключительно на руки. Руки у меня остались прежними: точные, спокойные, с длинными пальцами, не знавшими дрожи даже в самые паршивые утра.

В тот вечер я заканчивал работу над пациентом, чьё имя не имело значения. Очередной подпольный клиент, готовый платить наличными и молчать, — девушка с врождённой асимметрией мягких тканей. Я пересаживал лоскут с бедра на нижнюю челюсть и вшивал тончайшие нервные окончания под микроскопом, часами добиваясь того, чтобы будущая улыбка не выглядела резиновой маской. В этом и заключалась моя одержимость: стандартная пластика давала статичную красоту, мёртвую, как витринный манекен, а я хотел, чтобы пересаженная плоть чувствовала, морщилась от боли, холодела от страха и теплела от радости. Чтобы она жила. Это была уже пятнадцатая операция по моей авторской методике, и каждая приближала меня к главной цели — когда-нибудь я рискну применить всё наработанное на себе.

Ассистентов я не держал. Не доверял никому и не хотел, чтобы кто-то видел, как я работаю без перчаток на финальных этапах, касаясь чужих нервов кончиками пальцев, будто настраивая струны. В операционной пахло хлоргексидином и чем-то сладковатым, что всегда появлялось, когда я прижигал мелкие сосуды. Тишину нарушало только шипение кислородного концентратора и мерное попискивание пульсоксиметра. Я работал глубоко за полночь — окна подвала, переоборудованного под клинику, были наглухо замурованы ещё до меня, и время здесь измерялось не солнцем, а количеством наложенных швов.

Когда последний узелок был затянут, я выпрямился и позволил себе длинный выдох. Девушка спала под действием пропофола, её новое лицо было скрыто повязками, но под ними уже прорастали мои нити, мои микрошвы, моя надежда на искупление. Я стянул маску и прошёл к умывальнику, стараясь не смотреть в металлический бокс с инструментами, полированная крышка которого всё равно поймала мой силуэт — сгорбленный, с неестественно задраным левым веком. Вода из крана текла ледяная, и я долго держал под ней руки, разглядывая, как розовеет кожа.

Мысль о собственном восстановлении всегда приходила на контрасте: вот я даю другим симметрию и покой, а сам остаюсь запертым в этой бугристой маске, которую не могу снять. Проблема упиралась не в технику — технику я отточил до автоматизма. Мне нужен был материал. Не просто совместимый донорский лоскут, а такой, в котором сохранилась бы нервная память, способная прижиться на моём лице и не отторгнуться ни на клеточном, ни на каком-то ином, почти мистическом уровне. Трупная кожа не подходила — я пробовал, клетки умирали слишком быстро. Нужна была живая ткань, добровольная или хотя бы свежая, а на такие запросы ни один легальный банк тканей не откликнулся. Да и нелегальные поставщики лишь качали головами, услышав мои требования.

Я вытер руки одноразовым полотенцем и бросил его в контейнер для биоотходов. Пациентку нужно было перевести в послеоперационную, ночь ей предстояло провести под капельницей с антибиотиками и анальгетиками, а утром я вызову частный трансфер, и она исчезнет

из моей жизни так же бесследно, как появилась. Я уже потянулся к каталке, когда в кармане халата завибрировал телефон. Номер был скрыт, и я машинально сбросил вызов, но через несколько секунд экран засветился снова — на этот раз пришло сообщение. Я открыл его скорее от раздражения, чем от любопытства, и прочитал три строчки, от которых у меня сначала пересохло во рту, а потом закололо кончики пальцев — так бывало всякий раз, когда интуиция опережала рассудок.

«Доктор, я знаю, какой материал вам нужен. И я готов его предоставить. Взамен вы сделаете мне лицо. Если заинтересованы, не перезванивайте — я сам вас найду».

Я стоял, глядя на экран, пока тот не погас, и в чёрном стекле телефона на долю секунды отразился мой собственный глаз — расширенный зрачок, неподвижное веко, — и впервые за долгое время я не отвёл взгляд.

Сообщение не выходило у меня из головы все следующие два дня. Я прожил их, как живёт человек, который нашёл на полу собственной кухни змею и теперь боится наступить на неё босой ногой, хотя она давно уползла в щель за плинтусом. Я продолжал оперировать — мелкие коррекции, снятие швов, плановая ринопластика студентке, желавшей нос «как у голливудской старлетки», но все мои мысли крутились вокруг сообщения. Кто этот человек? Откуда он знает про материал? И что именно он подразумевает под словом «предоставить»?

Я прокручивал в голове десятки вариантов — от богатого биохакера с доступом к закрытым лабораториям до обыкновенного мошенника, начитавшегося форумов по трансплантологии и решившего пожить на чужом отчаянии. Последний вариант казался самым вероятным, но что-то в формулировке «я сам вас найду» заставляло меня то и дело оглядываться, выходя из клиники в подъезд, и проверять, не горит ли лампочка на камере наружного наблюдения, которую я так и не удосужился починить.

На третий день он пришёл. Я как раз менял капельницу послеоперационной пациентке — той самой девушке с пересаженным лоскутом, которая постепенно приходила в себя и уже могла глотать жидкую пищу. Дверной звонок в клинику никогда не звонил просто так: все клиенты приходили строго по записи, а случайных визитёров здесь не водилось по определению. Я открыл дверь и увидел его.

Он стоял в полумраке подъезда, высокий, сутуловатый, в длинном тёмном пальто, какие носят священники или гробовщики. Верхняя часть его лица была полностью скрыта бинтами — не марлевой повязкой, которую накладывают после ринопластики, а плотными эластичными витками, уходившими под воротник и оставлявшими открытыми только рот, тонкогубый и неподвижный, и тёмные глаза, сидевшие глубоко в глазницах, как два осколка бутылочного стекла на дне колодца. От него пахло чем-то химическим, едва уловимым, похожим на формалин, разбавленный одеколоном, и ещё — сухой землёй, той самой, что оседает на корнях выкопанного растения.

— Доктор, — произнёс он, и это был не вопрос, а утверждение, произнесённое голосом, лишённым интонаций, словно каждое слово предварительно взвешивали на аптечных весах. — Вы получили моё сообщение.

Я молча кивнул, отступив в сторону, чтобы пропустить его внутрь. Вблизи стало заметно, что бинты не совсем свежие — на сгибах, там, где ткань прилегала к шее, проступали бледно-жёлтые разводы, похожие на старые пятна от плазмы. Он двигался плавно, как человек, давно привыкший к тому, что каждое резкое движение может причинить боль. Пройдя в смотровую, он остановился точно под лампой и повернулся ко мне лицом, позволяя рассмотреть то, что скрывалось под бинтами на самом деле — а скрывалось там отсутствие. Не раны, не шрамы, а именно отсутствие: под слоями марли угадывались костные структуры, над которыми не было вообще никаких мягких тканей. Ни носа, ни щёк, ни век — гладкая поверхность, словно лицо ему заменили гипсовой маской, обёрнутой тканью.

— Меня зовут Габриэль, — сказал он, и его рот дёрнулся в подобии улыбки, хотя остальная часть лица осталась неподвижной. — Имя ненастоящее, но для наших целей оно подойдёт. Думаю, нет нужды объяснять, почему я не показываю паспорт.

Я сел на край стола, скрестив руки на груди. Пациентка в соседней комнате спала, капельница мерно капала, и этот ритмичный звук отсчитывал секунды нашего молчания.

— Допустим, я вас слушаю, — сказал я наконец. — Но сначала ответьте на вопрос. Откуда вы знаете, какой именно материал мне нужен? Я не давал объявлений и не обсуждал это ни с одной живой душой.

Габриэль медленно наклонил голову к плечу, и в этом движении мне почудилось что-то птичье, механическое. Он не отвечал сразу, и пауза затянулась ровно настолько, чтобы я успел заметить, как пересохло у меня во рту.

— Я знаю многих врачей, доктор. Точнее, знал. От большинства из них остались только записи в блокнотах и слухи, циркулирующие среди людей с определёнными потребностями. Вы — Вадим Сергеевич, хирург, разработавший методику нейроинтеграции пересаженных тканей. Два года назад вы пытались приобрести донорский материал через закрытые каналы, но получили отказ по этическим соображениям. С тех пор вы оперируете в этом подвале и мечтаете вернуть себе лицо, но не просто лицо, а такое, которое будет чувствовать, — он выделил последнее слово, и в его голосе впервые прорезалось что-то похожее на эмоцию. Жадность? Зависть? — Мне нужно именно это. Живое лицо. Не маска. Не протез. Лицо, которое способно улыбаться так, чтобы в улыбку верили.

Он замолчал, давая мне время переварить услышанное, а затем развязал тесёмки пальто и сунул руку во внутренний карман. Я инстинктивно напрягся — в моём подвале бывали разные люди, и далеко не все из них были безобидны, — но вместо оружия он извлёк сложенный вчетверо лист бумаги и протянул мне. Это оказался список, написанный от руки каллиграфическим почерком: наименования тканей, объёмы, сроки забора, методика консервации. Всё было расписано с дотошностью патологоанатома, и я сразу понял, что речь идёт не об одном образце, а о полноценном наборе: кожно-мышечный лоскут, нервные пучки, фрагменты хрящевой ткани. Достаточно, чтобы закрыть повреждённую половину моего лица. И достаточно, чтобы сделать лицо ему.

— Откуда это? — спросил я, хотя уже знал, что не хочу знать ответ.

— Вам не нужно задавать этот вопрос, — ответил Габриэль и снова изобразил ртом улыбку. — Важно другое: материал свежий, подходящий по всем параметрам, которые вы указали в своей диссертации. Я хочу, чтобы вы использовали половину для себя, а из второй половины слепили мне лицо. Не просто анатомически правильное, а красивое. Лицо, глядя на которое люди будут испытывать доверие и, возможно, восхищение. Вам ли не знать, доктор, как много значит внешность в этом мире?

Он говорил так, будто пересказывал рецепт супа, и это спокойствие пугало сильнее, чем если бы он угрожал или требовал. Я посмотрел на список, потом на него, потом снова на список. В висках застучало. Ждать другого шанса можно было годами. Десятилетиями. Всю оставшуюся жизнь.

— Я не работаю с материалом неизвестного происхождения, — произнёс я, сам не веря в то, что говорю. — Мне нужно знать хотя бы группу крови, возраст донора, причину смерти, если материал трупный.

Габриэль издал короткий звук, похожий на смех, если бы смех можно было пропустить через вентиляционную трубу.

— Материал не трупный, — сказал он, и в его глазах что-то блеснуло. — Он живой. Был живым на момент забора. И хранится в идеальных условиях. Вы сможете убедиться в этом лично.

Он снова полез в карман и на этот раз извлёк маленький телефон, на экране которого светилось изображение: пластиковый медицинский контейнер, внутри которого, в прозрачном растворе, плавали фрагменты ткани, розоватые, с сохранившимися капиллярами, выглядевшие так, будто их отделили от тела считанные часы назад. К горлу подкатила тошнота, смешанная с совершенно непрофессиональным, животным возбуждением. Я слишком хорошо знал, как выглядит по-настоящему свежий материал, и это был именно он. Ни один банк тканей не мог предоставить ничего подобного. Никто не мог.

— Вы псих, — сказал я тихо. — Вы понимаете, что то, что вы мне показываете, — это уголовное преступление?

— Я понимаю, — кивнул Габриэль, пряча телефон. — Но вы ведь тоже не святой, доктор. Ваша клиника не имеет лицензии. Ваши пациенты не платят налоги. А ваша методика, при всех её достоинствах, никогда не была сертифицирована официально. Мы оба находимся по одну сторону черты. Просто я предлагаю вам шагнуть чуть дальше. Зато представьте результат: вы смотрите в зеркало и видите человека. Не чудовище, не жертву, а человека. Стоит ли это риска? Решать вам.

Он замолчал и замер, как статуя, не мигая и не дыша, насколько я мог судить. Молчание висело между нами минуту, две, три. Я думал о том, что каждое утро брею только левую половину лица, потому что на правой волосяные луковицы погибли вместе с кожей. Я думал о том, как люди в метро отводят взгляд, стоит мне повернуться к ним правым профилем. Я думал о Марине, которая плеснула мне в лицо кислотой и на суде сказала, что я сам виноват, что не отвечал на её звонки, — и как прокурор, глядя на меня, едва сдерживал гримасу брезгливости. Я думал обо всём этом и чувствовал, как что-то внутри меня, что-то, что я годами держал на привязи, медленно перегрызает поводок.

— Когда вы хотите начать? — спросил я.

Габриэль выдохнул, и его плечи чуть опустились — единственный жест, выдавший напряжение, в котором он находился всё это время.

— Сегодня ночью, — сказал он. — Материал уже здесь. Я оставил контейнеры в машине. Через два часа я принесу их, и мы начнём. Сначала оперируйте меня — я хочу быть в сознании на финальном этапе, чтобы прочувствовать, как приживаются ваши нервы. А потом, когда я увижу результат, я позволю вам взять свою половину.

— Вы хотите присутствовать в сознании во время операции на лице? — переспросил я. — Это невозможно. Вы сойдёте с ума от боли.

— Боль я уже пережил, — ответил Габриэль, и в его голосе впервые послышалось что-то человеческое, что-то очень уставшее и надтреснутое. — Что меня действительно пугает, доктор, так это отсутствие ощущений. Когда лица нет, ты перестаёшь понимать, кто ты. Ваша методика — мой единственный шанс снова стать кем-то.

Он развернулся и пошёл к выходу, ступая всё так же плавно, почти бесшумно. У двери остановился и, не оборачиваясь, добавил:

— Кстати, насчёт группы крови и прочего. Донор был молодым. Двадцать три года. Никаких патологий. И он был согласен. Почти.

Дверь закрылась, и я остался один в тишине, нарушаемой только капаньем капельницы. Посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Ни капли. Я прошёл к операционной и начал готовить инструменты — раскладывать скальпели, проверять микроскоп, настраивать свет так, чтобы он не давал теней. Внутри меня боролись два чувства, но я уже знал, какое победит. Когда Габриэль вернулся, он нёс два пластиковых контейнера, и я, забирая их из его рук, впервые за десять лет по-настоящему улыбнулся — правой, неподвижной половиной лица, которая, как мне показалось в тот момент, чуть дрогнула.

Я разложил инструменты, и мы начали. Операция над Габриэлем прошла именно так, как он хотел, — без общего наркоза, под местной анестезией, пока он наблюдал за моими

руками в зеркало. К рассвету всё было кончено, и он ушёл, оставив меня наедине с оставшимся материалом. Операцию на себе я делал без ассистентов, без общего наркоза и, по большому счёту, без права на ошибку. Его новое лицо было скрыто повязками, но я уже видел результат — под бинтами угадывались симметричные скулы, ровная спинка носа, правильный разрез губ, — и где-то в глубине души я испытывал странную смесь гордости и зависти. Он получил именно то, что заказывал: лицо, которому поверят. Теперь моя очередь.

Я разложил инструменты перед большим зеркалом, которое специально прикрутил к стене операционной год назад, когда впервые допустил мысль, что когда-нибудь мне придётся работать на себе. Собственное отражение я видел целиком и не отводил взгляда — впервые за десять лет я заставил себя смотреть на свою изуродованную половину не как на врага, а как на операционное поле. Правая щека, выжженная кислотой до фасции. Нижнее веко, вывернутое рубцами. Угол рта, стянутый в вечную гримасу. Всё это предстояло иссечь, удалить, как старую штукатурку, и нарастить заново.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.